

Глава первая: О встрече

Всегда ждешь чуда, мечтаешь о прекрасной любви, грезишь о драгоценных историях.

День за днем, день за днем — время измеряется секундами, такими щедрыми, что они незаметно крадут твою юность.

А потом теряешь романтические мечты и собираешь воспоминания. Привыкаешь к обыденности и перестаешь жаждать перемен.

Наступает момент, когда смотришь на человека рядом, и даже если не говоришь ему, в душе радуешься: я встретил тебя, и как хорошо, что это именно ты.

Конечно, в тот момент, когда мы встретились, я был тем еще простаком.

Мне было семь лет, я учился в первом классе начальной школы. Начал читать и писать.

Стоило мне увидеть иероглифы в учебнике, как они казались такими родными. Взяв в руки ручку, я чувствовал невероятный прилив сил, кровь в жилах бурлила, словно мощный поток дракона.

Отец говорил, что по блеску моих глаз видно — родился гений.

Учителя наперебой рассказывали всем вокруг: в нашем городке появится великий человек! Каждый норовил преподавать именно в моем классе, ведь в эту эпоху поймать шанс — значит поймать богатство.

На первом тестировании я растерянно смотрел на лист и твердил, что волнуясь. Учительница улыбнулась мне очень ласково: Чжоу Ли, не бойся, тестирование — дело обычное, просто напиши то, чему научился.

Став взрослее, я вспоминаю это с усмешкой. Первый тест в первом классе — всего-то нужно было написать черточки и точки, один-два-три-четыре, а я додумался так перенервничать.

Впрочем, на мой результат это не повлияло.

Потому что, когда оценки выставили, учительница протрезвела. Она пошла к директору и сказала: Мне стыдно, я по слепоте своей совершила ошибку левого уклона.

К десяти годам, благодаря упорнейшим стараниям, я научился стабильно получать на каждом тесте шестьдесят баллов.

Отец, глядя на блеск в моих глазах, сказал: О, оказывается, парень, это у тебя просто глаза от природы светятся.

Я понял — это он так меня хвалил.

Я с детства был чистоплотным и миловидным.

Кожа у меня смуглая — все успешные мужчины должны быть смуглыми, так говорил отец. Когда он стоял в ночной тени, если не открывал рта, ты даже не знал, что там кто-то есть.

Конечно, я не был таким уж африканцем, все-таки немного светлее отца. Кому-кому, а мне повезло родиться в хорошую эпоху, с самого рождения молоко было вдоволь.

Поэтому моя кожа была смуглой, но чистой и гладкой — видели когда-нибудь мех норки?

К тому же я был худым, здоровой худобой, а не как бельевая веревка, от которой веет нищетой.

После того как я пошел в среднюю школу, мой кадык вырос и стал размером с косточку. У каждого есть свои привычки, вот и я часто задираю подбородок и молчал.

На самом деле я делал это произвольно. Обычно причина была в том, что разговор заходил в незнакомую мне область. Чтобы не показать свою неосведомленность, приходилось делать вид, будто я витаю в облаках, взгляд направлять в пустоту. На деле же я внутри напряженно пытался запомнить слова собеседников. Но всякий раз в такие моменты товарищи рядом яростно ругались: Черт возьми, Чжоу Ли, опять ты за свое!

Затем следовал тычок, заставлявший меня опустить гордую голову. В этот миг я ловил вокруг море нежных, полных восхищения взглядов.

Девочки меня обожали.

Угощали засахаренной сливой, при каждом удобном случае маячили перед глазами, подметали пол возле моих ног, и даже споры со мной доставляли им радость. Когда писали рождественские открытки, тем самым человеком, чье имя стояло в начале, был я.

Честно говоря, я, конечно, гордился этим. Жизнь в мире во многом держится на одобрении других. Но как же это утомительно! Нельзя слишком уж сиять перед товарищами, если только не хочешь получить по шее. Ничего не поделаешь — даже если бы я был щедрым, то не смог бы раздать свою популярность у девушек другим.

Это было то, чем я больше всего гордился, но, в конечном счете, это не помешало мне на пути взросления открыть истину: я — обычный, самый обычный человек, обреченный на самую заурядную жизнь.

Лянь Дун пренебрежительно фыркнул: Хм, вот и все твои амбиции.

Я ответил: А что такого? Нужно трезво оценивать свой потенциал. Мы здесь, в этом городке, и состаримся. В лучшем случае съездим куда-нибудь развеяться и вернемся обратно. Разве можно требовать большего от судьбы?

Лянь Дун, углубившись в газету, проворчал: Чжоу Ли, хватит мне тут заливать. Разве я тебя не знаю? Ты просто лентяй, который не стремится вперед, вот и придумал себе оправдание про судьбу и предопределенность.

Я немного рассердился. Вокруг полно народу, а он не оставляет мне ни капли лица перед младшими. Неужели не знает, что я до смерти дорожу своей репутацией? И в день выпускного добавил головной боли: Твои слова здесь совсем не к месту.

— Пф, — Лянь Дун рассеянно буркнул в ответ и снова уткнулся в газету. Глядя, с каким усердием он её изучает, я подумал: не иначе, там хорошие новости о том, как разбогатеть, и

кровь во мне закипела. — Мои слова не к месту? А ты? Когда отец просил тебя поступать в университет, ты вел себя так, будто тебя отправляют в ссылку на край света!

Сказав это, он схватил меня за руку и указал на крошечный квадратик в газете: Чжоу Ли, если ты мне друг, съезди со мной в центр города.

Если бы Лянь Дун, привлеченный этим крошечным объявлением, не вцепился в мой рукав, моя заурядная жизнь в год окончания школы открыла бы новую главу.

Жизнь в пригороде такого огромного мегаполиса устроена просто: окончил школу — считай, уже человек образованный, нашел в городке работу — живи спокойно и уверенно. Жизнь не суетливая, в свободное время можно понежиться на солнце или поиграть в баскетбол.

Называйте меня безынициативным, называйте приспособленцем — в любом случае, я мечтал именно о такой жизни, где не нужно больше грызть гранит науки, а можно начать зарабатывать.

Отец же хотел, чтобы я поступал в университет. Хотя давно понял, что я не гений, он все равно, как вор, не оставлял надежды, что я стану одним из лучших учеников в городке.

Он слышал древнее прекрасное предание: кто-то из наших мест, сдав экзамены на ученую степень, удостоился того, что в честь него на перекрестке установили гипсовый памятник.

Меня это пугало. Особенно пугало.

Мне казалось, что на каждой обложке справочника для абитуриентов фотография ректора смотрит на меня, как на мой собственный гипсовый памятник.

Видя, что я наотрез отказываюсь заполнять заявление на вступительные экзамены, отец целую неделю ходил мрачнее тучи и твердил: Как же у тебя нет мужества даже на то, чтобы бросить вызов? Сейчас поступить в университет проще простого.

Я ответил: Это да. В ваше время это была тысяча воинов на узком мостике, а сейчас этот мостик шире эстакады. Только вот стоимость расширения моста заложили в низкие зарплаты выпускников университетов.

Мама потянула отца за рукав: Ладно тебе, ладно, не хочет он, нечего и заставлять. Мы вот всю жизнь прожили по совести, и ничего, неплохо вышло. У ребенка свои мысли, может, он боится на нас лишний груз взвалить. Сейчас-то поступить несложно, а вот учиться — удовольствие недешевое.

У меня защипало в глазах. Все-таки мама знает меня лучше всех.

Отец пробурчал что-то себе под нос, но делать нечего, пришлось уступить. Хотя напоследок он все же решил проявить отцовский авторитет: Эх ты, совсем не как мужчина.

— Ну вот, — я обнял его за плечи, пытаюсь замять тему. — Разве так говорят сыну? Мужчина я или нет, через пару лет, когда поженимся с Чжоу Ли, она узнает. О чем вам беспокоиться?

Чжоу Ли — моя одноклассница из параллельного класса, которая успешно воспользовалась своей красотой, чтобы стать моей девушкой.

Правда, люди старшего поколения в наших краях называют такие отношения жена, домашняя

или моя половинка.

Мои отец и мать считают, что Чжоу Ли — девушка понимающая и послушная, а главное — работающая. У нее руки золотые, идеальная жена для дома.

Её родители довольны моей честностью и простотой. У меня нет хитрости, я не такой, как нынешние парни, скользкие и амбициозные, думающие только о том, как бы выбиться в люди.

Мне кажется, у них просто зоркий глаз, раз они видят даже самые скрытые мои достоинства.

Обе стороны довольны, ждут только, когда я окончу школу, поработаю пару лет и достигну брачного возраста.

Если сказать об этом вслух, нас будут ругать за ранний брак, но у нас тут принято так: рано влюбились, рано поженились, рано завели детей.

В день выпускного, едва покинув школу, я сразу побежал к дому Чжоу Ли. Она сидела у порога, грелась на солнце и вязала мне свитер. Я издалека смотрел на неё и чувствовал себя таким счастливым — той тихой, долгой и спокойной радостью, словно от течения ручья среди зеленых гор. Мне казалось, что вся моя жизнь будет далека от бурь, поэтому я так ценил этот покой.

Я подошел, закрыл ей глаза ладонями и чмокнул в щеку. Моя будущая жена нежно улыбнулась.

Я протянул ей кожаную папку: Вот, забрал для тебя аттестат.

Она безразлично бросила его в корзину с нитками и сладко улыбнулась: Сварила суп из красной фасоли, оставила тебе, он на столе в доме, сходи возьми.

Я ответил: Хорошо, — вышел с миской, сел рядом с ней и принялся сёрбовать суп.

— Ну что ты как собака, ещё и причмокиваешь, — она стерла пятнышко у меня в уголке рта. — Сегодня много народу было?

— Много, — я вытянул ноги, солнце припекало отменно. — Все девчонки пришли, сама понимаешь, мой выпускной — событие не из радостных.

— Дурак! — она в шутку ударила меня. — Кто будет слушать твое хвастовство? А твои дружки?

— Все, с кем дружу, пришли, поболтали долго. Кто-то в университет поступил, кто-то собирается в город на заработки. Я только сказал, что хорошо, что Лянь Дун остается со мной, как он выкинул такой номер.

— Лянь Дун? — Чжоу Ли нахмурилась. У неё по отношению к Лянь Дуну было только одно определение — змея. Лянь Дун всякий раз с обидой жаловался мне: Чжоу Ли, ну что она, перечитала романов про привидений? Я же самый настоящий орел! Разве я такой изворотливый, как змея? Но Чжоу Ли была уверена: Лянь Дун — это тот самый скользкий тип, о котором предупреждали её родители. Если хочешь узнать, что такое отсутствие безопасности, просто представь себе все отрицательные качества Лянь Дуна. — И что он удумал?

— Ты же знаешь, этот парень с детства любит плясать и петь, хватается за всё модное, от

брейк-данса до чего угодно.

— Он хочет поступить в училище искусств? — Чжоу Ли рассмеялась.

— Нет, это какой-то отбор в поп-группу.

— Не смеши. Это же так нереально, — Чжоу Ли действительно подумала, что я шучу. А я подумал: во мне отродясь не было чувства юмора.

Когда она отсмеялась и услышала, что я уже пообещал Лянь Дуну пойти с ним, чтобы поддержать его, улыбка исчезла. Она явно выказала недовольство и с обидой пожаловалась, что я даже в день выпускного не хочу побыть с ней.

Я со всей серьезностью сказал ей: Я такой человек, мои закадычные друзья — это святое. Не знаю, как вы, девушки, к этому относитесь, но для меня дружба — это не пустой звук.

Чжоу Ли надула губки и бросила на меня кокетливый взгляд, её зрачки, казалось, превратились в сердечки.

Я слишком сильно переоценил этого Лянь Дуна.

Вечером он пришел ко мне домой помогать собирать вещи. Он начал вытряхивать ящики, хватать трусы, я врезал ему: Эй, мародер, грабишь — имей хоть каплю достоинства!

Он заныл: Ты что, больной? Да если бы ты мне подарил эти трусы с Ультраменом, я бы их выкинул! Я достаю их, чтобы упаковать. Нам придется переночевать в гостинице, в такую жару ты не собираешься менять белье? Вонючка!

— Черт возьми, чем тебе не угодил мой Ультрамен? У тебя-то и того нет! — я провел ногой по его ногам, Лянь Дун с воплем запрыгнул на стул. — Какая ещё ночевка? Днем ты про это ни слова не сказал!

Лянь Дун хихикнул, по-холопски сложил мои трусы с Ультраменом в стопочку. У меня мурашки по коже пошли — враг рядом. — Говори прямо, что ты задумал?

— Я только что узнал: место, где проходит отбор, далеко, да и результат в тот же день могут не объявить. Нам нужно прояснить обстановку после собеседования, а поздно вечером с транспортом будет сложно, так что для верности лучше переночевать.

— Раз переночевать — значит переночевать. Надеюсь, ты возьмешь на себя все расходы? А?

— Разумеется! — он ударил себя в грудь. Я знал, дело пахнет керосином — грудь у этого прохвоста как промокашка, грош цена его словам. — Ты ведь со мной едешь, как я могу позволить тебе тратиться! Но... хе-хе... ты же знаешь, я... Чжоу Ли, одолжи мне, я обязательно верну!

— ...У меня нет денег, — я чуть не заплакал. Не смог помочь другу — жестокая реальность терзала мою совесть.

— Кого ты лечишь... — он скривился. — Я когда трусы доставал, видел: на дне ящика лежал толстый конверт из крафт-бумаги.

Я в ярости присел на корточки и завыл волком.

Лянь Дун выглядел ещё несчастнее меня, умолял: Чжоу Ли, ты просто обязан мне помочь, я всю жизнь на это поставил. Ты же знаешь, я с детства грезил звездами, у меня есть талант, а в этом захолустье нет шансов, я должен сам их добиться. Посмотри, если бы я был подлецом, то уже украл бы этот конверт. Да, я знаю, ты каждую ночь перед сном пересчитываешь деньги, чтобы спать спокойно, и если не досчитаешься хоть гроша, убьешь меня. Но если я останусь у тебя на ночь, этого же не случится? Видишь, если я прошу займы — значит, я честен и твердо намерен вернуть, разве не так?

Мои мозги не работали, и я быстро согласился: Ладно, одолжу, сколько тебе нужно?

Он оскалился, погладил меня по волосам: Совсем немного, дай тысячу-другую, хватит.

Я только хмыкнул — такая сумма ещё терпима, а больше — сердце бы кровью обливалось.

Когда деньги перешли из рук в руки, я тут же пришел в себя: Лянь Дун, ты обязан вернуть!

— Обязательно верну! С процентами!

— С какими?

— Какими в банке, плюс ноль целых одна сотая процента!

После того как Лянь Дун ушел, я переложил крафт-конверт в другой ящик и надежно спрятал. Когда банк поднимет ставку, я с тобой посчитаюсь!!!

На следующий день я вместе с Лянь Дуном отправился в путешествие навстречу мечте.

В дороге Лянь Дун был полон боевого духа, что лишь сильнее подчеркивало мою бледную, как у капустного листа, физиономию.

Черт возьми, я ведь вспомнил: родители дают ему немало карманных денег, он живет по стандартам пострадавших от стихийных бедствий, скряга до мозга костей, почему он должен был занимать у меня? Утром на вокзале, увидев его прикид, я понял: он спустил все деньги на шмотки. Весь в брендах, даже кроссовки Nike — переиздание, совершенно не подходит крестьянину, приехавшему в город. Мне так хотелось его пнуть.

— Когда ты успел купить эти вещи, сжигающие деньги? — я был искренне удивлен. Нужно знать, у нас не центр города, бренды ограничены, в основном только бутики, где на тебя свысока смотрят рекламные плакаты, и каждый раз обирают до нитки.

— Недавно попросил дядю привезти. Ты даже не угадаешь цену, дядя ещё добавил немного. Я попросил его держать язык за зубами, если родители узнают — в обморок упадут. Лянь Дун вел себя неловко, в новых вещах он выглядел зажатым, не зная, куда деть руки и ноги.

— Псих, — подытожил я. — Как думаешь, оно того стоит?

— Стоит или нет, я пошел ва-банк. Нельзя проигрывать другим с порога из-за внешнего вида.

— Тщеславие! — я презирал его. — Разве мужской шарм можно купить за деньги?

Нет! Нельзя!

Даже если можно, мне было жалко денег.

Мой принцип: пусть мода гоняется за мной, я не собираюсь подстраиваться под неё как дурак.

Посмотри на меня: я знаю, что на таких мероприятиях большинство — дети богатых родителей, которым нечем заняться, или такие, как Лянь Дун, одержимые мечтой стать звездой и готовые разориться ради неё. Соревноваться с ними в одежде — самоубийство. Поэтому я отбросил все свои модные наряды и просто надел белую рубашку без лейбла и джинсы. Лянь Дун был в ярости, говорил, что главный герой он, а я чего так вырядился.

Я отрезал его: хоть я и сопровождающий, но кто не хочет выглядеть достойно?

Лянь Дун спросил: Ты правда думаешь, что выглядишь неплохо?

Я ответил: Как я выгляжу — не нам судить, посмотри на восхищенные взгляды вокруг, это лучшее доказательство.

Лянь Дун хмыкнул и вытолкнул меня из автобуса. После двух часов стояния мои кости одеревенели. — Мы доехали?

— Ага... — Лянь Дун прищурился, разглядывая дорогу. — Ещё дорогу перейти, и почти на месте.

Проклятие, на этой дороге оказалась ловушка.

Когда до цели оставалось рукой подать, у Лянь Дуна замкнуло нервы, он сказал: Время ещё есть, давай зайдем в этот торговый центр. Я побежал туда быстрее него — наконец-то туалет, иначе я бы взорвался. — Лянь Дун, жди здесь!

Как назло, я оставил его прямо перед витриной модного бренда. Когда я вышел после всех дел, напевая легкую мелодию, то увидел, что этот сукин сын размахивает мужским зонтом, главной фишкой которого был дизайн, а продавщица рядом с придыханием твердила, как это стильно.

Конечно, стильно, даже если в зонте за двести восемь юаней будут дыры, он всё равно будет казаться божественным. Я бросился на амбразуру, но не успел — Лянь Дун уже доставал кошелек. На купюре красовался такой знакомый портрет Мао Цзэдуна с синей полосой от ручки — ещё вчера вечером я говорил этому Мао спокойной ночи.

Лянь Дун виновато улыбнулся мне: Синоптики обещали дождь, запасной вариант — это ведь хорошо, правда?

Я подумал: если он провалится, в следующий раз снова придет ко мне занимать денег на новый бой.

Я прозрел.

Честно говоря, дожив до таких лет, я никогда не видел столько модных и стильных сверстников. Обычно, глядя телевизор, где все разодеты ярко и пестро, думаешь, что это лишь крайнее преувеличение или эффект СМИ.

Теперь я понял: общество ушло далеко вперед.

Народу было как на праздник Нового года, у меня кружилась голова, ноги отдавили столько раз, что поначалу я ещё находил силы кричать: Черт возьми, кто наступил на ногу!

Никто не обращал на меня внимания, большой палец болел до слез, людской поток был бурным, вокруг мелькали разноцветные волосы.

— Черт, опять! — я по-настоящему разозлился. Все, кто меня знает, в курсе: не стоит доводить меня до предела. Если разозлить, я пойду на любые подлости, мне не будет стыдно. Наступаете, да? У меня, может, чего другого нет, но сил — хоть отбавляй.

Я с силой наступил кому-то на ногу, и Лянь Дун взвыл, как дикобраз: Какой debil посмел наступить мне на ногу! Мои Nike!!!

Я тут же подскочил: Кто! Кто, кто наступил! Есть смелые, кто обидел моего брата?

Я был полон ненависти, поддерживая искренний гнев и боль Лянь Дуна. Окружающие были ошеломлены: Нет... не я...

— Чего на меня смотришь! И не я! Мне самому ноги отдавили.

Пробившись сквозь толпу, мы привлекли внимание женщины средних лет с добрым лицом, сидевшей за стойкой регистрации. Она рассмеялась: Молодые люди, к чему столько злости? Людей много, будьте вежливы друг к другу.

Она сунула нам по анкете: Вы забавные, заходите, внутри заполните, здесь слишком тесно.

Лянь Дун обрадовался, спрятал анкеты в карман: Чжоу Ли, ну и везет же нам, пошли, скорее! — он потянул меня, но все ещё был зол. — Хм, если узнаю, кто так сильно наступил на ногу, этим зонтом его пришибу.

Я понимающе взял в руки его двухсот-восемьюаневый зонт: Брат, во время выступления с этим будет неудобно, давай я подержу.

Войдя внутрь, я понял, что этот отбор намного сложнее, чем я представлял: куча зон, А, В, С, D, выступления, песни, танцы, обязательная программа, произвольная... У меня голова пошла кругом.

<http://bllate.org/book/21141/2144100>